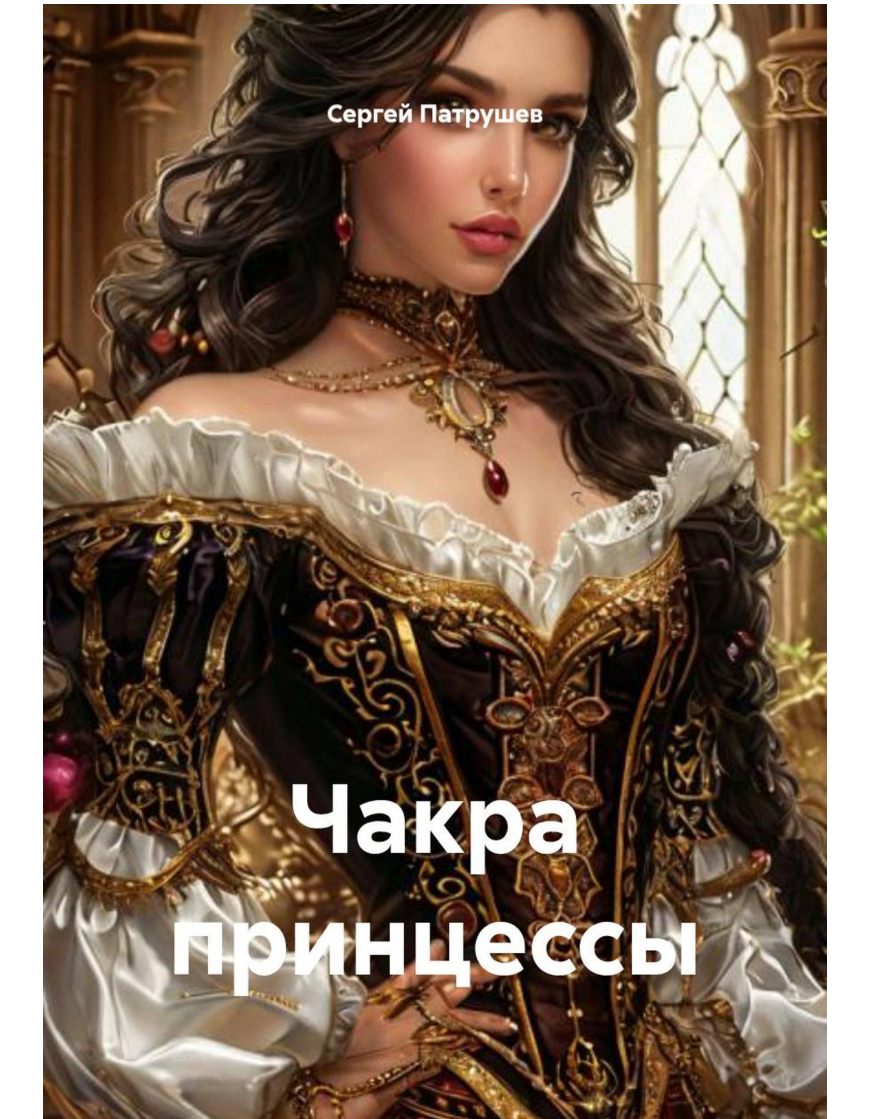

Сергей Патрушев

Чакра принцессы

Сергей Патрушев

Чакра принцессы

<https://litres.ru/73735096>

SelfPub; 2026

Аннотация

В королевстве, где женская красота измеряется талией, а зависть разъедает сердца, принцесса Элиана неожиданно для себя открывает, что её невероятный метаболизм — не генетическая случайность, а дар древнего бога.

Её тело меняется вслед за желаниями: виноград приносит женственные бёдра, шоколад — упругую грудь, а вино дарит грацию. Но когда завистливые аристократки пытаются погубить принцессу, Элиана узнаёт правду: внутри неё течёт огромный запас чакры, способный влиять на судьбы окружающих. Те, кто любит — расцветают, кто завидует — стареют и толстеют на глазах.

Путь Элианы — это падения и взлёты, потеря любимого и обретение себя. Она превращается из сладкоежки, не помещавшейся в дверь, в воительницу с луком и мечом, спасает тысячи раненых солдат, отдав всю свою силу, и получает от бога бессмертие — но только до тех пор, пока любит.

Это история о том, как принятие своего тела становится ключом к настоящей магии, а любовь побеждает любые проклятия — даже те, что насылают боги.

Сергей Патрушев

Чакра принцессы

Глава первая

В утреннем свете, заливавшем тронный зал сквозь витражи, принцесса Элиана казалась ожившей фреской. Её точеную фигуру, узкую, как лезвие кинжала, облегалось платье цвета слоновой кости. Локоны падали на плечи тяжёлыми волнами, а талия была настолько тонкой, что казалась хрупкой, словно стебель лилии. Придворные поэты уже сложили дюжину сонетов о её алебастровой коже и огромных глазах цвета лесного ореха. Она была идеальна, как кукла в фарфоровом домике, и так же далека от всего земного.

Всё изменилось во время летнего пира, когда на столах появились огромные гроздья янтарного винограда, привезённого из южных провинций. Элиана, движимая скукой, протянула руку и взяла первую ягоду. Сладкий, медовый сок взорвался на языке чем-то совершенно новым – не приторным, как десерты, а живым и настоящим. Она взяла вторую, потом третью. Никто не обратил внимания, когда десертная тарелка опустела, и принцесса потянулась к вазе соседа. Виноград заканчивался, а ей всё ещё хотелось ощущать, как лопаётся под нажимом зубов тугая кожица, выпуская прохладу

и сладость.

К вечеру она попросила слуг принести ещё три корзины.

На третью ночь, оставшись в своих покоях, Элиана с ужасом и странным любопытством заметила, что её любимое нижнее бельё стало тесновато в бёдрах. Она подошла к высокому венецианскому зеркалу и замерла. Её ноги, прежде похожие на две прямые линии, начали обретать мягкие, округлые очертания. Ляжки наливались упругой тяжестью, смыкаясь в тугую, женственную линию там, где раньше оставался просвет. Она провела ладонями по бокам – прежде острые косточки талии исчезли под слоем нежной плоти, которая была тёплой и невероятно гладкой.

– Что со мной? – прошептала она, но рука её уже тянулась к кисти винограда на прикроватном столике.

К концу первой недели о её метаморфозах заговорил весь дворец. Элиана больше не носила корсеты – они просто не сходились на груди, которая изменилась неузнаваемо. Из двух аккуратных полушарий, которые раньше лишь обозначали женскую принадлежность, она превратилась в пышную, высокую и упругую, словно спелая дыня, красоту. Каждое движение принцессы заставляло этот новый, драгоценный груз колыхаться под шёлком, и даже самая строгая фрейли-

на не могла отвести взгляд.

В день, когда она вышла к завтраку, без корсета, в свободном платье, которое обтекало её новую фигуру – широкую снизу и щедрую сверху, перетянутую всё ещё тонкой, но уже не хрупкой талией, – зал замер. И в эту самую минуту в дверях появился наследный принц северного королевства Родерик, прибывший для подписания торгового договора.

Он видел многих красавиц. Но когда Элиана, не обращая ни на кого внимания, отправила в рот очередную ягоду, облизнула с пальца сок и рассмеялась чему-то своему, Родерик почувствовал, что земля уходит из-под ног. В ней не было кукольной правильности. В ней была жизнь. В её мягких ляжках, в её тяжелой груди, в том, как она наслаждалась едой без границ и стыда, он увидел настоящую женщину, а не мраморный бюст. Он влюбился мгновенно и безоговорочно.

Аристократки, которые ещё неделю назад злословили о её стройности, теперь кусали кружевные платочки от зависти. Они видели, как округлились бёдра принцессы, как её грудь теперь покачивалась при ходьбе под тихий шелест ткани, и тихо шептались в будуарах. «Посмотрите на неё, – шипела герцогиня де Лорж, – она ест как конюх, а её фигура становится только лучше!». Другие принцессы, иссушенные диетами, смотрели на Элиану с болезненным восхище-

нием, когда та на балу в охотку съела целую тарелку засахаренных фруктов, не переставая улыбаться принцу Родерику. Она расцветала на глазах, с каждым съеденным виноградной становясь всё более женственной, всё более желанной, и в то время как весь женский свет завидовал её невероятному метаболизму, одна лишь Элиана знала, что она просто наконец-то разрешила себе быть счастливой. И, кажется, её новое тело это обожало.

Она больше не считала ягоды. На восьмой день слуги начали приносить виноград прямо в ванную комнату, потому что Элиана отказывалась покидать тёплую воду, а её пальцы, розовые от пара, безостановочно тянулись к хрустальной вазе. Принц Родерик, которому отвели покои в восточном крыле, каждое утро находил способ пересечься с ней в оранжерее или на винтовой лестнице, и каждый раз его взгляд срывался с её лица вниз, на то место, где платье особенно сильно натягивалось на бёдрах, а затем резко взлетал к потолку, будто он молил небо о спасении.

Элиана заметила это на третий день его визита. Стоя перед зеркалом во весь рост, она медленно повернулась боком и ахнула. Её ягодичы, прежде почти отсутствовавшие, теперь выдавались назад так округло и упруго, что между ними и поясницей образовалась глубокая ложбинка, в которую можно было положить ладонь. Она провела рукой по живо-

ту – он оставался плоским, но теперь это был не голодный живот тростинки, а сытый, довольный живот женщины, которая знает вкус хорошего вина и медовых лепёшек.

– Ваше высочество, – тихо сказала камеристка Марго, подавая ей кисть янтарного винограда, – у вас на платье треснул боковой шов.

Элиана взяла виноград и улыбнулась собственному отражению. Впервые в жизни её улыбка не была вежливой или вымученной. Она была настоящей, чуть ленивой, чуть сладострастной, как у кошки, которая только что вылакала целое блюдо сливок.

Она вышла к обеду в новом платье – специально сшитом за ночь тремя портнихами, которые клялись, что никогда не видели, чтобы женская фигура менялась так быстро. Платье было из тёмно-зелёного бархата, и оно облегало каждый дюйм её тела. Высокая грудь лежала на мягком корсаже, словно два спелых плода, бёдра перекатывались под тканью при каждом шаге, и когда Элиана садилась за стол напротив принца Родерика, её ляжки, плотные и тёплые, раздвинулись под юбкой, заняв пространство, которого раньше не требовали.

– Вы сегодня особенно прекрасны, – выдохнул Родерик,

забыв поднять свой бокал.

– Я сегодня особенно голодна, – ответила она и потянулась к виноградной грозди, которая лежала перед ней на серебряном блюде.

Она ела медленно, но методично. Ягода за ягодой. Розовые губы смыкались вокруг зелёного шарика, сок иногда стекал по подбородку, и она вытирала его тыльной стороной ладони, не обращая внимания на шёпот за соседним столом. Принц смотрел на её пальцы, липкие от сладости, на то, как её грудь поднималась и опускалась от глубокого дыхания, и чувствовал, как в нём разгорается огонь, которого он никогда не знал прежде.

– Позвольте спросить, – тихо сказал он, когда слуги унесли пустые тарелки. – Что вы делаете со своим телом, принцесса? Вы становитесь... – он запнулся, подбирая слово, – величественнее с каждым днём.

Элиана откинулась на спинку стула, и платье натянулось на её животе, обозначив сытую округлость. Она положила руку туда, где раньше была впадина, а теперь покоилась мягкая, тёплая плоть, и улыбнулась.

– Я ем, ваше высочество. Я просто наконец-то ем.

За десертом подали засахаренный виноград, и она съела его целиком, пока аристократки за соседним столом перешёптывались, прикрывая веерами свои зелёные от зависти лица. Баронесса фон Клейст, чья талия была затянута в корсет до головокружения, прошептала своей соседке:

– Она толстеет. Ты видишь? Её бёдра теперь как у крестьянки.

– Она набирает вес, – поправила её графиня д'Аркур, не отрывая глаз от груди Элианы, которая сейчас, в полуобороте, казалась ещё больше, – но почему она от этого выглядит... божественно?

К ночи Элиана осталась одна. Она сняла платье и встала перед зеркалом голая, впервые за долгое время не чувствуя стыда. Её тело изменилось. Бёдра стали широкими и круглыми, живот мягким и женственным, грудь тяжёлой и упругой, с тёмными сосками, которые смотрели вперёд, а не в стороны, как раньше. У неё появились ямочки на поясице, и когда она поворачивалась, её ягодицы двигались вместе с ней единым, плавным движением.

Она взяла последнюю кисть винограда, которую оставила на туалетном столике, и откусила сразу половину. Сок потек

по её подбородку, шее, дальше вниз, между грудей. Она не вытерла его. Вместо этого она закрыла глаза и представила взгляд принца Родерика – жадный, голодный, благодарный.

– Пусть завидуют, – прошептала она в темноту своей спальни, и её голос звучал низко и бархатисто, как никогда раньше. – Я наконец-то нравлюсь себе.

А за дверью, прислонившись к холодной каменной стене, стоял принц Родерик. Он услышал её слова. И понял, что готов отдать своё королевство за право быть тем, кто будет смотреть на неё каждое утро.

Глава вторая

Осень пришла в королевство вместе с первыми заморозками и обозами, гружёными бочонками с какао-бобами из заморских колоний. Принц Родерик, который под предложением затянувшихся переговоров оставался в замке уже третью неделю, собственноручно подарил Элиане шкатулку из чёрного дерева, полную плиток тёмного шоколада. В его северном королевстве этот десерт считался роскошью, достойной богов, и он хотел увидеть, как её глаза засияют.

Он не ошибся.

Элиана открыла шкатулку, понюхала горьковато-сладкий аромат, отломил уголок плитки и отправила в рот. То, что случилось дальше, поразило её саму. Если виноград был приятным удовольствием, то шоколад оказался одержимостью. Тёплый, маслянистый, он таял на языке, оставляя послевкусие, от которого кружилась голова. Она съела первую плитку за минуту. Вторую – за две. К вечеру шкатулка опустела, и Элиана отправила слугу на кухню с требованием найти ещё.

Дворецкий доложил королю, что принцесса съела трёхдневный запас кондитерской лавки за один присест.

– Оставьте её, – махнул рукой король, который был рад любому капризу дочери, лишь бы она перестала грустить.

Но Элиана не грустила. Она пиршествовала.

На пятый день шоколадной эпопеи её фрейлины заметили, что лицо принцессы изменилось. Щёки, прежде острые, как лезвия, округлились в два румяных яблока, подбородок потерял свою заострённость, появилась вторая линия там, где раньше была только гладкая кость. Элиана, сидя перед зеркалом, провела пальцами по своей шее – прежде тонкой, как стебель, она налилась мягкостью, и когда принцесса поворачивала голову, под кожей перекачивалась нежная пол-

нота.

– Мне нужно больше шоколада, – сказала она спокойно и отправила в рот очередной кусочек, даже не глядя на него.

К концу первой шоколадной недели её грудь, которая и так уже стала предметом восхищения, увеличилась ещё на размер. Теперь она была не просто большой – она была роскошной, тяжёлой, и когда Элиана ходила по коридорам замка, ей приходилось слегка отклонять корпус назад, чтобы сохранять равновесие. Платья шили заново каждые три дня, и портнихи уже не смели брать мерки лентой – они просто обводили её тело мелом на ткани, потому что к утру цифры всё равно устаревали.

Однажды утром Элиана попыталась надеть платье, сшитое неделю назад, и не смогла застегнуть его на бёдрах. Она стояла перед зеркалом в одном нижнем белье, сжимая в руке плитку молочного шоколада с орехами, и смотрела, как изменилось её тело. Бёдра стали широкими, как у матери-земли на древних фресках, ягодицы налились такой упругостью, что на них можно было поставить бокал. На животе появилась мягкая, круглая складка, которая перекаtywалась, когда она дышала, и Элиана вдруг поняла, что ей это нравится. Ей нравилось чувствовать себя тяжёлой, настоящей, существующей.

Она взяла ещё одну плитку.

Принц Родерик встретил её в библиотеке, куда она пришла за новой книгой. Он читал, сидя в кресле у камина, и когда Элиана вошла, его взгляд медленно прошёлся по её фигуре – снизу вверх. От широких бёдер, обтянутых тёмно-синим бархатом, к тонкой талии, которая всё ещё оставалась удивительно изящной, несмотря на всё, что она поглощала, и выше – к огромной груди, которая лежала на корсаже, как два спелых плода на блюде.

– Вы становитесь всё краше, – сказал он тихо, и в его голосе не было лести. Было восхищение.

Элиана улыбнулась и села в кресло напротив. Платье натянулось на её бёдрах, и она не стала поправлять его. Она отломил кусочек шоколада, медленно отправила в рот, прикрыла глаза от удовольствия. Принц смотрел на её губы, испачканные в шоколаде, на то, как её язык лениво облизывает крошки, и чувствовал, что теряет рассудок.

– Ваш метаболизм, – прошептал он, – это колдовство.

– Это счастье, – ответила она и откусила ещё.

Слухи о преображении принцессы разлетелись по королевствам быстрее, чем гонцы. Аристократки, которые раньше считали худобу единственным достоинством женщины, теперь в панике скупали шоколад и пытались повторить её трапезы. Но у них ничего не выходило. Они толстели некрасиво – животы нависали, бока обвисали, лица покрывались прыщами. Элиана же расцветала с каждым днём. Её полнота была женственной и благородной: мягкие плечи, крутые бёдра, высокая грудь, гладкая кожа, которая лоснилась от здорового блеска.

– В ней есть что-то древнее, – шептала герцогиня де Лорж своей фрейлине. – Что-то языческое. Она похожа на богиню плодородия.

– Она похожа на обжору, – огрызалась та, но глаза её горели завистью.

На балу в честь осеннего равноденствия Элиана появилась в платье из золотой парчи, которое едва сходилось на её груди. Портниха в последний момент пришила широкие шёлковые ленты, чтобы прикрыть декольте, но они разъехались после первого же танца. Никто не жаловался. Принц Родерик не отходил от неё ни на шаг, и когда они танцевали, его рука лежала на её талии, чувствуя тепло и мягкость её тела сквозь ткань.

После бала она вернулась в свои покои и съела ещё три плитки шоколада. Её грудь тяжело колыхалась, когда она дышала после танцев, и Элиана смотрела в зеркало на женщину, которой стала – пышную, щедрую, невероятно желанную. На её бедре появилась маленькая шоколадная разводка, и она слизала её языком, глядя на своё отражение.

– Пусть завидуют, – повторила она свою любимую фразу, но теперь в её голосе не было вызова. Было удовлетворение.

Она легла в постель, взяла с прикроватного столика последнюю плитку и уснула, сжимая её в руке, как самую дорогую драгоценность. А в соседней комнате принц Родерик ворочался без сна, видя перед собой только её – большую, мягкую, пахнущую шоколадом, самую прекрасную женщину из всех, что он когда-либо знал.

Она проснулась среди ночи от того, что её собственная грудь, тяжёлая и налитая, давила на рёбра, мешая дышать. Элиана перевернулась на бок, и тело послушно перекатилось за ней – мягкое, тёплое, чужеродное и одновременно самое родное, что у неё когда-либо было. В темноте спальни на прикроватном столике лежала недоеденная плитка, и рука сама потянулась к ней, даже без участия сознания. Пальцы нащупали шершавую обёртку, отломил кусочек, отправили

в рот. Шоколад растаял на языке, и Элиана снова провалилась в сон – глубокий, без сновидений, какой бывает только у сытых и спокойных людей.

Утром она не встала с постели до полудня. Камеристка Марго принесла поднос с завтраком – яйца пашот, поджаренный хлеб с маслом, кувшин апельсинового сока и, конечно, шоколад. Три плитки. Элиана съела всё, не проронив ни слова, и когда Марго попыталась убрать пустую посуду, принцесса схватила её за запястье.

– Принеси ещё, – сказала она голосом, в котором появилась новая, низкая нота. – И скажи портнихе, пусть шьют новое платье. В старом я не пройду в дверь.

Она не шутила. К концу второй шоколадной недели Элиана с трудом протискивалась в дверные проёмы бёдрами, которые раздались настолько, что казались двумя круглыми подушками, перетянутыми тканью. Её походка изменилась – теперь она не ходила, она перетекала, плавно покачивая бёдрами из стороны в сторону, потому что любое другое движение заставляло её грудь подпрыгивать так сильно, что это отдавалось тупой болью в спине. Грудь жила своей жизнью. Она выросла ещё на два размера и теперь требовала индивидуального подхода – корсеты лопались, завязки рвались, швы трескали по всей длине.

Принц Родерик, который каждое утро ждал её в оранжерее с букетом полевых цветов, впервые не нашёл слов, когда увидел её в этот день. Она шла к нему по аллее, залитой солнцем, и её огромное тело колыхалось под тонким шёлком платья, которое было скорее живописной драпировкой, чем одеждой. Он видел, как перекатываются её бёдра при каждом шаге, как тяжело вздымается грудь, как живот – мягкий, круглый, сытый – выпячивается вперёд, и его сердце забилося так сильно, что он испугался сердечного приступа.

– Ваше высочество, – выдохнул он, когда она приблизилась, и его взгляд упал на её руки. Они тоже изменились – из тонких, хрупких веточек превратились в пухлые, мягкие руки с ямочками на локтях и на тыльной стороне ладоней. Пальцы, унизанные кольцами, утопали в нежной полноте, и когда Элиана взяла из его рук цветы, он заметил, что её запястья стали такими же толстыми, как его собственные.

– Вы смотрели на меня слишком долго, – сказала она без тени смущения. – Вам не кажется, что я перестала быть приличной?

– Мне кажется, – ответил он, приближаясь на шаг, – что вы стали совершенством.

Элиана рассмеялась – глубоким, грудным смехом, который выходил из её широкой груди, как из виолончели. Она отломил кусочек шоколада, который носила с собой в маленькой сумочке, и отправила в рот. Принц смотрел на её губы, блестящие от масла какао, и вдруг сделал то, чего не планировал. Он наклонился и поцеловал её. Прямо в губы, ещё сладкие от шоколада. Элиана замерла на секунду, а потом ответила – медленно, лениво, чувственно, прижимаясь к нему всем своим огромным, мягким телом.

Он ощутил тепло её груди через ткань камзола, мягкость её живота, который упёрся ему в бёдра, и понял, что пропал окончательно. Ни одна худая аристократка с выступающими ключицами не вызывала в нём и десятой доли того животного, первобытного желания, которое рождала эта пышная, сладкая, бесконечно женственная принцесса.

– Выходи за меня, – прошептал он ей в губы, не отстраняясь. – Я не могу больше ждать.

Элиана медленно открыла глаза. В них не было удивления. Только лёгкое, сытое торжество.

– Я подумаю, – сказала она и откусила ещё шоколада. – А сейчас принеси мне ещё плиток. Десять. Нет, двадцать.

Она развернулась и пошла обратно во дворец, покачивая бёдрами так, что принц, оставшись один в оранжерее, опустился на скамейку и закрыл лицо руками. Он был влюблён. Безнадёжно, глупо, на всю жизнь.

В замке тем временем назревал скандал. Мать принца Родерика, королева Севера, прибыла с инспекцией и, увидев Элиану в её нынешнем виде, едва не упала в обморок.

– Это чудовище! – закричала она в коридоре, не стесняясь в выражениях. – Она же не пролезет в дверь нашей часовни! Как мой сын может...

– Ваше величество, – перебила её Элиана, выходя из-за угла с плиткой шоколада в руке. Она была огромной. Она была прекрасной. И она была совершенно спокойна. – Ваш сын просил моей руки сегодня утром. И я склоняюсь к тому, чтобы согласиться. Так что, если вы не хотите испортить ему жизнь, советую привыкать к моему телу. Оно никуда не денется.

Королева побелела, потом покраснела, потом развернулась и ушла, громко хлопнув дверью. Элиана откусила ещё шоколада и улыбнулась. Её грудь, огромная и упругая, колыхнулась от движения, и принцесса поймала на себе взгляды трёх придворных дам, которые смотрели на неё с такой

завистью, что это можно было пить ложками.

– Ещё шоколада, – крикнула она слуге, проходя мимо. – И побольше.

Глава третья

Шоколадная лихорадка утихла так же внезапно, как и началась, уступив место новой страсти. Это случилось на званом ужине, когда принц Родерик, желая удивить свою возлюбленную, открыл бутылку старого бургундского, привезённую из его северных подвалов. Элиана, привыкшая к сладости винограда и шоколада, скептически поднесла бокал к губам, сделала маленький глоток – и мир перевернулся.

Вино оказалось совсем другим. Не приторным, не медовым, а глубоким, терпким, с горьковатым послевкусием дуба и вишни. Оно скользнуло по горлу, оставляя за собой тёплый, жгучий след, и Элиана почувствовала, как кровь быстрее бежит по жилам. Она осушила бокал за секунду и протянула руку за добавкой.

– Не торопитесь, ваше высочество, – улыбнулся принц, но было поздно.

К концу вечера Элиана выпила три бутылки. Не потому,

что хотела опьянеть, а потому, что вино казалось ей жидким шоколадом для взрослых – сложным, манящим, бесконечным. Она смеялась громче обычного, её щёки порозовели, глаза блестели, и когда она вставала из-за стола, её огромное тело слегка покачивалось, но не от вина – от новой, расслабленной грации, которую оно ей подарило.

На следующее утро у неё болела голова, но рука уже тянулась не к воде, а к бокалу. Сок из красного винограда, сказала она себе. Просто сок.

Вино вошло в её жизнь тихо, но прочно. Она пила его за завтраком вместо апельсинового сока, за обедом вместо воды, за ужином – литрами. Дворецкий докладывал королю, что принцесса опустошила погреб на три полки, и король, вздохнув, приказал закупить новое – самое лучшее, самое старое, самое дорогое.

– Пусть пьёт, – сказал он. – Лишь бы не грустила.

Элиана не грустила. Она блаженствовала.

Вес набирался медленнее, чем от шоколада, но вернее. Вино не добавляло новых килограммов так быстро, но оно расслабляло мышцы, убирало последние зажимы, и её тело, наконец, обрело ту форму, которую сама природа задума-

ла для неё. Элиана больше не носила корсетов – они стали невозможны физически. Вместо этого она облачалась в свободные платья из тонкой шерсти и бархата, которые струились по её огромным бёдрам, собирались складками на животе и едва прикрывали её величественную грудь.

Она стала мягкой везде. Лицо её округлилось окончательно – исчезли скулы, исчез острый подбородок, вместо них появились две пухлые щёчки, которые розовели от каждого глотка вина. Появился второй, а потом и третий подбородок, и когда Элиана опускала голову, они сливались в одну нежную, тёплую складку. Шея стала короткой и мощной, плечи – широкими и покатыми, руки – пухлыми от плеча до самых пальцев, с ямочками на локтях и на тыльной стороне ладоней.

И в этой полноте была такая женственность, что аристократки, глядя на неё, чувствовали себя мальчишками в платьях.

Однажды утром она стояла перед зеркалом, держа в одной руке бокал с кагором, в другой – кусочек засахаренного имбиря, и рассматривала себя. Её грудь теперь была такой огромной, что она не видела собственного живота, когда смотрела прямо. Живот же стал круглым и высоким, как у беременной, но она знала, что не носит ребёнка – она носи-

ла удовольствие, растянувшееся в ней килограммами нежной, податливой плоти. Бёдра стали шире плеч, и когда она шла, ей приходилось слегка расставлять ноги, чтобы не тереть внутренними поверхностями друг о друга.

– Ваше высочество, – тихо сказала Марго, заходя в спальню. – Принц Родерик прислал вам бочонок мальвазии из своих личных запасов.

Элиана улыбнулась своему отражению. Отражение улыбнулось ей в ответ – щедрой, пьяной улыбкой женщины, которая знает себе цену.

– Поставь у кровати, – сказала она. – И принеси мне завтрак. Побольше сыра и хлеба. И винограда. Много винограда.

Она пила вино весь день. Небольшими глотками, растягивая удовольствие, чувствуя, как алкоголь разливается по телу теплом, расслабляя каждый дюйм её огромного, мягкого тела. К вечеру она была пьяна, но не качалась и не заплетала язык – она просто стала ещё более плавной, ещё более медленной, ещё более женственной. Её жесты обрели ленивую грацию сытой кошки, голос опустился на полтона ниже и стал бархатным, как вино, которое она пила.

Принц Родерик нашёл её в оранжерее, где она сидела в глубоком кресле, подобрав под себя ноги – теперь это было целое предприятие, потому что ноги её стали толстыми и круглыми, с мягкими коленями и полными икрами. Она держала в руках бокал, и когда увидела принца, её глаза засияли.

– Иди ко мне, – сказала она, и это прозвучало не как просьба, а как приглашение.

Он подошёл и опустился перед ней на колени. Его руки легли на её колени – такие мягкие, такие тёплые, что он забыл, как дышать. Элиана сделала глоток вина, потом наклонилась и поцеловала его, передавая терпкую сладость из своего рта в его. Он застонал, вцепившись пальцами в её огромные бёдра, и она почувствовала его желание – острое, невыносимое, прекрасное.

– Ты станешь моей женой, – сказал он не спрашивая.

– Я уже твоя, – ответила она и отпила ещё вина.

Новость о помолвке разлетелась по королевствам со скоростью пожара. Аристократки, которые ещё недавно насмехались над полнотой принцессы, теперь в отчаянии купали корсеты на размер меньше, пытаясь втиснуть свои тела в

идеалы, которые вдруг перестали быть идеалами. Они смотрели на Элиану, на её огромную грудь, на её широкие бёдра, на её мягкий живот и понимали, что проиграли. Она была женщиной, а они – только её бледными тенями.

– Как она это делает? – рыдала баронесса фон Клейст в своей спальне, сжимая в руках бутылку вина, которую не могла допить до конца, потому что от одного глотка у неё начиналась изжога. – Почему она становится красивее, а я – просто толще?

Потому что Элиана не боролась со своим телом. Она приняла его, полюбила, и оно ответило ей благодарностью. Каждый новый килограмм ложился на неё, как драгоценность, каждое округлившееся место становилось источником новой, неизведанной женской силы.

В ночь перед свадьбой она сидела в своей спальне, голая, перед огромным зеркалом. Бокал вина стоял на пузе, которое вздымалось и опускалось в такт дыханию. Её грудь покоилась на животе, тяжёлая и упругая, с тёмными сосками, которые смотрели вниз. Бёдра расплывались по стулу, на котором она сидела, и ей пришлось купить новый, специально усиленный, чтобы выдерживать её вес.

Она взяла бокал, сделала последний глоток и поставила

его на столик. Потом встала – медленно, потому что быстро вставать она уже не могла, – и подошла к окну. Луна светила на её огромное, прекрасное тело, и Элиана почувствовала, что никогда в жизни не была так счастлива.

– Пусть завидуют, – прошептала она в ночь. – Я – королева. И я начинаю только разгоняться.

Она улыбнулась и пошла к кровати, покачивая бёдрами, тяжело ступая по каменным плитам босыми ногами. В соседней комнате принц Родерик не спал – он ждал её, как ждут рассвета, как ждут чуда. И когда она вошла к нему, огромная и прекрасная, пахнувшая вином и шоколадом, он понял, что готов умереть от счастья прямо сейчас, в её мягких, тёплых объятиях.

А за окнами замка, в холодной осенней ночи, завидовали все. И никто из них не понимал главного: счастье не в том, чтобы быть худой. Счастье – в том, чтобы быть собой. И позволить себе всё, что хочешь.

Свадебный торт стал её последним падением в бездну блаженства. Шесть ярусов бисквита, пропитанного ромом, слоенных густым шоколадным кремом и залитых зеркальной глазурью, возвышался в центре пиршественного зала как памятник человеческой смелости. Элиана должна была

лишь отрезать первый кусок вместе с женихом, но когда нож вошёл в мягкую плоть торта, а из разреза потекла тягучая карамель, она поняла, что это любовь с первого укуса.

Она съела свой кусок за минуту. Потом кусок принца. Потом, когда гости отвлеклись на тосты, она отрезала себе ещё один – самый большой, с края, где крема было больше, чем бисквита. Принц Родерик смотрел на неё с умилением, смешанным с голодом, который не имел ничего общего с едой. Его будущая жена, покрасневшая от вина и счастья, с крошками торта на груди, была самым прекрасным существом на земле.

К утру от шестиярусного торта осталась только подставка. Слуги клялись, что видели, как принцесса в полночь пробиралась на кухню босиком, в одной ночной сорочке, и съела последний ярус, сидя прямо на полу, макая пальцы в крем. Элиана не подтверждала и не отрицала. Она просто заказала новый торт на завтрак.

Началась эпоха сладкого теста.

Торты стали её наваждением. Бисквитные, песочные, медовые, с заварным кремом, с масляным, с творожным, с фруктами, с орехами, с безе. Она ела их утром, вместо омлета, днём, вместо супа, вечером, вместо всего. Кондитеры ко-

ролевства работали в три смены, потому что принцесса съедала по три торта в день и требовала четвёртый на ночь.

– Ваше высочество, – осмелилась заметить Марго через неделю, – ваши платья снова малы.

– Закажи новые, – ответила Элиана, не отрываясь от ванильного бисквита с клубникой.

Но дело было не только в платьях. Её тело менялось на глазах, и теперь даже самые слепые придворные не могли этого не замечать. Живот, который от вина стал мягким и круглым, от тортов превратился в нечто грандиозное – высокий, тугой холм, который начинался прямо под грудью и заканчивался там, где начинались бёдра, и между ними не было перерыва. Элиана больше не видела своих ног, когда стояла прямо. Она чувствовала их только тогда, когда они терлись друг о друга при ходьбе – толстые, тёплые, с внутренними поверхностями, которые теперь соприкасались на всём протяжении от промежности до колен.

Её грудь, и без того огромная, выросла ещё на два размера. Теперь она не помещалась в ладони принца, и когда он обнимал её, его руки тонули в её мягкости, не встречая сопротивления. Соски, тёмные и крупные, смотрели вниз, в сторону пупка, потому что сила тяжести оказалась силь-

нее любой женской гордости. Под грудью появились тёплые складки, которые потели и натирали, и Элиана присыпала их рисовой пудрой, чувствуя себя языческой богиней плодородия.

Она стала тяжёлой. Не просто полной – тяжёлой, монументальной. Когда она садилась на стул, дерево жалобно скрипело. Когда она поднималась по лестнице, ступени вздрагивали. Её походка превратилась в торжественное перекатывание с пятки на носок, потому что поднимать ноги выше ей мешал живот, а бёдра, трущиеся друг о друга, создавали мягкий, шуршащий звук, который слышали все, кто шёл за ней по коридору.

– Ты становишься всё больше, – сказал принц Родерик одним вечером, когда она сидела у него на коленях – и его колени почти исчезли под её массой.

– Тебе не нравится? – спросила она, отправляя в рот кусок медового торта.

– Мне нравится всё, – ответил он, целуя её в плечо. – Но я боюсь, что скоро мне придётся носить тебя на руках, потому что ты не пройдёшь в дверь.

Элиана рассмеялась – глубоко, раскатисто, и её живот за-

колыхался, как студень. Она откусила ещё торта и посмотрела на дверь. Дверь действительно казалась уже, чем неделю назад. Или это она стала шире.

Королева Севера, узнав о новых пищевых пристрастиях невестки, прислала гневное письмо, в котором требовала прекратить «это безобразие» и напоминала, что принцесса должна подавать пример подданным, а не поощрять чревоугодие. Элиана прочитала письмо, усмехнулась и съела торт прямо над ним, оставив жирное пятно на королевской гербовой бумаге.

– Отошли обратно, – сказала она Марго. – Пусть знает, что я о ней думаю.

Слухи о невероятной полноте принцессы разлетелись по всему континенту. Но странное дело – никто не называл её уродливой. Даже наоборот. Путешественники, видевшие её на балах, рассказывали, что она прекрасна, как роза, разбухшая от утренней росы, как луна в полнолуние, как сама земля, готовая родить урожай. В её женственности было что-то древнее, языческое, дохристианское – она напоминала статуи венер палеолита, найденные при раскопках, те самые, у которых нет лиц, зато есть невероятные бёдра и груди.

Аристократки сходили с ума. Они пробовали есть торты

– и толстели квадратно, некрасиво, с обвисшими боками и дряблыми животами. Они пробовали пить вино – и их лица покрывались красными пятнами. Они пробовали есть виноград – и у них начиналось несварение. Метаболизм Элианы казался чудом, даром богов, проклятием для всех остальных женщин.

– В ней есть что-то колдовское, – шептала графиня д'Аркур, глядя, как Элиана на балу съедает целый торт в одиночку, не переставая улыбаться принцу и кокетливо поправлять вырез платья, который никак не хотел оставаться на месте. – Она ест за троих, а становится только краше.

– Она ест за десятерых, – поправила герцогиня де Лорж с ненавистью в голосе. – И при этом её грудь всё ещё упругая, а кожа гладкая. Это нечестно.

Элиана слышала их шёпот и улыбалась ещё шире. Она отрезала себе ещё кусок торта – шоколадного с вишней – и отправила в рот, глядя прямо на завистниц. Её огромная грудь колыхнулась, когда она проглотила, и несколько придворных дам, не выдержав, разрыдались в своих веерах.

В ту ночь она лежала в постели, голая, и принц Родерик целовал каждую складку на её теле – живот, бёдра, грудь, второй подбородок, пухлые руки, толстые пальцы. Он любил

её всю, без остатка, и когда он прошептал ей в ухо: «Ты самая красивая женщина в мире», она поверила ему. Потому что она действительно была самой красивой. Самой женственной. Самой желанной.

Она потянулась к прикроватному столику, где лежал кусок торта, припрятанный на ночь, и откусила половину. Принц засмеялся и откусил вторую половину. Им было хорошо вместе – сладко, сытно, бесконечно.

А за окном, прижавшись носом к стеклу, стояла баронесса фон Клейст и смотрела на них с такой завистью, что стекло запотело от её дыхания. Она мечтала быть на месте Элианы. Но она никогда не осмелилась бы съесть даже кусочек торта, не то что целый.

Глава четвёртая

Это случилось утром, когда Элиана попыталась встать с постели и не смогла. Не потому, что у неё не было сил – силы были, даже слишком много, но её тело, огромное и мягкое, отказывалось подчиняться командам. Живот, выросший до размеров небольшого холма, мешал согнуться в поясице. Грудь, тяжёлая и упругая, тянула вниз, заставляя спину выгибаться в неестественную дугу. Бёдра, раздавшиеся в ширину так, что они занимали две трети королевской крова-

ти, не давали ногам сомкнуться вместе, чтобы сделать привычное движение.

Она позвала Марго, и та прибежала с тремя слугами, потому что одна уже не справлялась. Вчетвером они подхватили принцессу под мягкие пухлые руки, подсунули под её огромный зад деревянный табурет и кое-как поставили её на ноги. Элиана пошатнулась, ухватилась за столб кровати, и дерево жалобно скрипнуло под её весом.

– Зеркало, – прохрипела она.

Марго принесла зеркало – самое большое, какое нашлось в замке, но даже оно не могло вместить её целиком. Элиана увидела себя по пояс. И то, что она увидела, заставило её сердце сжаться. Лицо, когда-то точеное, теперь было круглым, как полная луна, с тремя отчётливыми подбородками, которые сливались в мягкую складку на шее. Щёки нависали над уголками губ, придавая её улыбке неловкое, сдавленное выражение. Глаза, прежде огромные и выразительные, казались маленькими на этом пышном лице, утонув в щёлочках между щеками и бровями.

Она попыталась повернуться боком и не смогла – живот упёрся в косяк кровати. Она попыталась сделать шаг и услышала, как трутся друг о друга её полные икры, издавая мяг-

кий, влажный звук. Кожа на внутренней поверхности бёдер покраснела и натирала при каждом движении, несмотря на присыпку.

– Марго, – сказала она тихо, – сколько я вешу?

Камеристка опустила глаза. В замке не было весов, способных выдержать принцессу. Последний раз её взвешивали на торговых весах с гирями, и стрелка ушла далеко за пределы шкалы.

– Ваше высочество, – начала Марго, – может быть, вам стоит...

– Диета, – перебила Элиана, и это слово прозвучало как приговор. – С сегодняшнего дня я сажусь на диету.

Новость о том, что принцесса Элиана решила худеть, разнеслась по замку быстрее моровой язвы. Аристократки воспрянули духом – наконец-то их идеал рухнул, наконец-то она перестанет быть той недостижимой богиней, которой они заговаривали. Принц Родерик, узнав об этом, нашёл её в библиотеке, где она сидела в специально усиленном кресле и мрачно листала книгу о постной кухне.

– Зачем ты это делаешь? – спросил он, опускаясь перед

ней на колени и кладя руки на её огромные мягкие бёдра.

– Я не могу подняться по лестнице без одышки, – ответила она, не глядя на него. – Мои колени болят. Я застряла в дверях спальни вчера, и мне пришлось втягивать живот, чтобы выйти. Это унижительно.

– Я люблю тебя любой, – сказал он тихо.

– А я себя – не любой, – ответила она и отодвинула его руку.

Диета началась на следующее утро. Торт заменили овсяной кашей на воде. Вместо жареной утки подали варёную куриную грудку без соли. Вместо сыра – обезжиренный творог, который по консистенции напоминал мокрый песок. Элиана съела всё, морщась, но без жалоб. Она продержалась до полудня.

В час дня она открыла потайной ящик своего письменного стола, где лежала припрятанная плитка тёмного шоколада. Рука дрожала, когда она ломала квадратик. «Всего один кусочек», – сказала она себе. «Просто чтобы снять стресс». Кусочек растаял на языке, за ним потянулся второй, третий, и вот уже плитки не стало, а пальцы сами шарили по ящику в поисках ещё.

Вечером она не выдержала и выпила бокал вина. Потом второй. Потом третий, и вино показалось ей нектаром после дня мучений. Она плакала, стоя у окна, и чувствовала, как её огромное тело сотрясается от рыданий, как грудь тяжело вздымается, как живот перекачивается под платьем. Она была несчастна. Она была голодна. Она хотела торт.

На вторую неделю диеты она придумала систему. Утром – овсянка на воде, как положено. Днём – куриная грудка и салат. Но между этими правильными приёмами пищи втискивались маленькие, быстрые, предательские перекусы. Кусочек шоколада, когда никто не видит. Глоток вина из фляжки, спрятанной в рукаве. Половина печенья, найденного в кармане фрейлины. Горсть засахаренных орехов, которые она держала в шкатулке для драгоценностей.

К концу второй недели она не похудела ни на грамм. Наоборот, весы снова сломались, а платья стали ещё теснее. Придворные шептались, что принцесса не худеет, а толстеет прямо на диете, и это было чудом, достойным летописей.

– Я не понимаю, – рыдала Элиана в подушку, сжимая в руке пустую бутылку из-под вина. – Я же стараюсь!

– Ваше высочество, – осторожно сказала Марго, – вы вче-

ра съели три плитки шоколада и выпили полтора литра вина. После салата.

– Это был стресс, – всхлипнула Элиана. – Диета вызывает у меня стресс. А от стресса я толстею. Значит, диета делает меня толще. Логично.

Марго открыла рот, чтобы возразить, но закрыла его, потому что в этой безумной логике было что-то неопровержимое.

Принц Родерик застал её в отчаянном состоянии. Она сидела на полу своей спальни, потому что кресло сломалось под ней, и вокруг неё были разбросаны фантики от шоколада и пустые бутылки. Её огромное тело, обтянутое растянувшейся ночной рубашкой, казалось горой плоти, которая дышала, вздымалась и опускалась, и в этом дыхании была такая глубокая, животная тоска, что у принца защемило сердце.

– Элиана, – сказал он, садясь рядом с ней на пол. – Прекрати это.

– Я не могу похудеть, – прошептала она, не поднимая головы. – Я пытаюсь, но я не могу. Я слабая. Я толстая и слабая.

– Ты не слабая, – сказал он, обнимая её за плечи – на-

сколько хватало его рук, потому что обнять её целиком было невозможно. – Ты просто любишь еду. И вино. И шоколад. И в этом нет ничего постыдного.

– Аристократки смеются надо мной, – всхлипнула она. – Говорят, что я жирная корова.

– Аристократки завидуют, – поправил он. – И ты это знаешь.

Он поднял её – с трудом, кряхтя, напрягая все мышцы, но поднял. Элиана повисла на нём, тяжёлая, как куль с мукой, и заплакала ему в плечо. Он нёс её к кровати, и каждый шаг давался ему с боем, потому что она весила как три обычных женщины, но он не жаловался. Он уложил её на постель, сам едва не падая от натуги, и лёг рядом, положив голову на её огромный мягкий живот.

– Я больше не буду сидеть на диетах, – сказала она после долгого молчания.

– И правильно, – ответил он.

– Но я обещаю, что буду есть чуть меньше тортов, – добавила она неуверенно.

– Не надо, – улыбнулся он. – Я люблю, когда ты ешь торты.

– Тогда принеси мне торт, – сказала она, вытирая слёзы.
– Шоколадный. С вишней. И бутылку вина.

Принц рассмеялся, поцеловал её в пухлый подбородок и пошёл на кухню. Элиана осталась лежать в постели, огромная и несчастная, но уже успокаивающаяся. Она провела рукой по своему животу – мягкому, круглому, тёплому – и вдруг почувствовала, что не ненавидит его. Он был её частью. Частью, которая требовала еды и вина, которая не хотела худеть, которая была живой и настоящей.

Когда принц вернулся с тортом и бутылкой, она села на кровати – с трудом, опираясь на подушки, – и отрезала себе огромный кусок. Первый укус отозвался во всём теле сладкой дрожью. Второй – удовлетворённым вздохом. Третий – чувством, что всё будет хорошо.

Она запила торт вином, откинулась на подушки и закрыла глаза. Диета окончена. Она больше никогда не будет мучить себя. Она будет есть то, что хочет, и плевать на аристократок с их завистью и злыми языками.

– Знаешь, – сказала она принцу, открывая глаза, – кажется, я немного похудела.

Принц посмотрел на неё, на её огромные бёдра, которые занимали полкровати, на её тяжёлую грудь, на три подбородка, и мягко улыбнулся.

– Конечно, похудела, – сказал он. – Я вижу.

Они оба знали, что это неправда. Но какая разница, когда есть торт, вино и любовь?

Прошёл месяц с того дня, как Элиана объявила диету оконченной. Но в её голове что-то щёлкнуло. Не отказ от еды, нет – скорее, отказ от войны с самой собой. Она перестала прятать шоколад по ящикам и перестала запивать вином чувство вины. Она просто начала есть, когда хотела, и останавливаться, когда была сыта. И случилось чудо, которое поставило в тупик всех придворных врачей.

Вес начал уходить.

Не сразу, не резко, но каждое утро, становясь на специально заказанные огромные весы из кузницы, она видела, как стрелка ползёт назад. Сначала на килограмм. Потом на два. Потом на пять. Аристократки, которые уже приготовились праздновать её падение, замерли в недоумении. Элиана не постилась, не пила горькие настойки и не носила утягиваю-

щее бельё. Она просто перестала давиться овсянкой на воде и позволила себе ту самую меру, о которой её тело просило всегда.

Двадцать килограммов ушли за полтора месяца. И каждый ушедший килограмм открывал миру новую, более прекрасную версию принцессы.

Элиана стояла перед зеркалом впервые за долгое время без отвращения. Она была всё ещё большой – её трудно было назвать худой, и вряд ли когда-нибудь можно будет. Но двадцать килограммов сделали то, чего не могла сделать ни одна диета: они высвободили её женственность, а не задушили её голодом. Грудь, которая прежде казалась неподъёмной, стала чуть легче, но не потеряла ни упругости, ни величия. Она по-прежнему была огромной, роскошной, но теперь не мешала дышать. Бёдра остались широкими, но с них ушла та набрякшая, болезненная полнота, которая мешала ходить. Теперь они перекатывались при каждом шаге плавно и грациозно, как волны.

Живот, самый большой её комплекс, уменьшился ровно настолько, чтобы из неловкого холма превратиться в мягкую, женственную округлость, которая соблазнительно выдавалась вперёд, но не мешала наклоняться. Лицо – её лицо! – снова обрело черты. Два подбородка из трёх исчезли,

оставив лишь лёгкую пухлость, которая делала её похожей на мадонну с полотен старых мастеров. Скулы проступили, но не остро, а мягко, и глаза снова стали большими и выразительными, обрамлёнными румянцем на круглых щеках.

Принц Родерик вошёл в её покои без стука – как всегда в последнее время – и замер на пороге. Элиана стояла перед зеркалом в одной сорочке, поворачиваясь то одним боком, то другим, и он видел, как изменилось её тело. Талия, которой раньше не было вовсе, вдруг обозначилась – не осиная, не корсетная, но живая, изящная, переходящая в широкие, покатые бёдра. Плечи стали более хрупкими, руки – тоньше, но не дряблыми, а гладкими и округлыми. Она напоминала ему спелую грушу – широкую внизу, узкую вверху, невероятно аппетитную.

– Ты... – начал он и замолчал, потому что слова застре-
вали в горле.

Элиана обернулась и улыбнулась той улыбкой, которую он не видел с первых дней их знакомства – лёгкой, чуть кокетливой, полной жизни.

– Нравится? – спросила она, проводя рукой по своей талии. – Я, кажется, нашла себя.

Он подошёл к ней, не веря своим глазам. Его руки легли на её бёдра – они по-прежнему были мягкими и тёплыми, но теперь под ладонями чувствовалась мышца, сила, а не просто податливая плоть. Он обнял её, и его пальцы сошлись на талии – впервые с тех пор, как она начала есть виноград в том далёком летнем пиру.

– Ты стала ещё красивее, – прошептал он. – Я не знал, что это возможно.

– Это всё вино и шоколад, – рассмеялась она. – И торт. И твоя любовь, которая не даёт мне ненавидеть себя.

Слухи о преображении принцессы разлетелись быстрее, чем когда-либо. Аристократки, которые уже списали её со счетов, снова заскрежетали зубами от зависти. Элиана вышла к обеду в платье, сшитом по новым меркам, – тёмно-вишнёвом бархате, который облегал её уменьшившуюся, но всё ещё пышную фигуру, как перчатка. Декольте открывало грудь, которая, потеряв в весе, только выиграла в форме: высокая, круглая, упругая, она притягивала взгляды всех мужчин в зале.

– Она похудела, – прошептала баронесса фон Клейст, и в её голосе была такая смесь зависти и восхищения, что трудно было понять, чего больше. – Но как? Она же ест как раньше!

– Она ест как раньше, но выглядит по-другому, – ответила графиня д'Аркур, не отрывая глаз от талии принцессы. – Это нечестно. Это просто нечестно.

Элиана слышала их шёпот, но не обращала внимания. Она отрезала себе кусок торта – поменьше, чем раньше, но всё равно приличный – и отправила в рот, запивая вином. Она больше не ела механически, заедая стресс и тоску. Она ела с удовольствием, смакуя каждый кусочек, и её тело отвечало ей благодарностью, а не обидой.

Принц Родерик не сводил с неё глаз. Ему казалось, что он видит её впервые – ту самую Элиану, которая пленила его тем летним днём, но только лучше. В ней не осталось ни кукольной худобы, от которой веяло холодом, ни болезненной полноты, которая мешала ей дышать. Была женщина – настоящая, живая, желанная. С формами, которые сводили с ума, и с глазами, в которых светилось счастье.

Вечером они сидели у камина в её спальне. Элиана, лёжа на ковре – и ей больше не требовалась помощь, чтобы встать, – положила голову на колени принцу. Он перебирал её волосы, спускавшиеся по полным плечам, и чувствовал, как его сердце наполняется такой нежностью, что она почти причиняла боль.

– Знаешь, – сказала она, глядя на огонь, – я думала, что счастье – это когда можно есть всё, что хочешь, и не толстеть.

– А теперь? – спросил он.

– А теперь я думаю, что счастье – это когда можно есть всё, что хочешь, и при этом нравиться себе. В любом весе. В любом размере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.